

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НОВАЯ ВЕДУЩАЯ ИДЕЯ РАЗУМА

(Перевёл с немецкого языка Владимир Абашник)

АНОТАЦІЯ

У статті представлено один із аспектів «концепції трансверсального розуму» Вольфганга Вельша. Спочатку в історичному контексті проаналізовано поняття справедливості Дені Дідро та Фрідріха Ніцше. На завершення вказано на роль справедливості у оригінальній «концепції трансверсального розуму».

Ключові слова: концепція трансверсального розуму, плюральність, Дідро, Ніцше, справедливість.

АННОТАЦИЯ

В статье представлен один из аспектов «концепции трансверсального разума» (das Konzept der transversalen Vernunft) Вольфганга Вельша. Сначала в историческом контексте проанализировано понятие справедливости Дени Дидро и Фридриха Ницше. В завершение указано на роль справедливости в оригинальной «концепции трансверсального разума».

Ключевые слова: концепция трансверсального разума, плюральность, Дидро, Ницше, справедливость.

SUMMARY

In the article one of the aspects of the “concept of transversal reason” (das Konzept der transversalen Vernunft) by Wolfgang Welsch is presented. At first Denis Diderot’ and Friedrich Nietzsche’s concepts of the justice in historical context are analyzed. Finally the role of the justice in the original “concept of transversal reason” is pointed out.

Keywords: concept of transversal reason, plurality, Diderot, Nietzsche, justice.

1. Плюральность и признание, тотальность и справедливость

Когда в сегодняшних условиях разум преследует конститутивный для него вопрос тотальности, то при этом – что стало четким в V-й главе (а) – старая ведущая идея единства существенно уходит на задний план, чтобы быть смененной посредством ожидания идеей множества. Но мы еще не выяснили, какая другая идея выходит на передний план и становится доминирующей идеей разума. Ответ этой главы звучит так: новая ведущая идея есть идея справедливости – идея рациональной справедливости. Она образует новую ведущую перспективу разума, который, следуя своему обязательству целостности, сталкивается с обстоятельством, что целое уже не соединяется с единым порядком, а остается характеризующимся множеством инверсивных рациональностей и вариантов выбора. Этой ситуации может соответствовать лишь идеал справедливости.

Поскольку разум следует идеалу справедливости, его следует четко отличать от рациональностей. Последние, вероятно, тоже имеют отношение к другим рациональностям, когда они выходят за пределы соответствующих своих ограничений, но они делают это иным и очень ограниченным способом. Так как, во-первых, они имеют отношение соответственно с некоторыми остальными рациональностями, и, во-вторых, они делают это со сравнительно эгоистическим намерением: они ищут точки соединения или опоры; либо они желают опровергнуть контрагента или устранить из поля. Напротив, соотношение с целостностью рациональностей и его осуществление через справедливость – остается за разумом.

Спросим точнее, как мы приходим к этой новой направленности. Как идея справедливости попадает в разум, и почему она становится ведущей? И почему это происходит специфическим способом рациональной

справедливости – а не просто как справедливость вообще?

Три преимущества влияют на то, что справедливость становится новым фокусом разума. Во-первых, это традиционное преимущество, что разум отвечает за целое. Во-вторых, современный факт, что в целом конкурируют между собою различные формы рациональности, даже различные версии целого. В-третьих, тот факт, что при этом речь идет о нередуцируемых комплексах, каждый со своим правом. Затем, в качестве легитимной формы обхождения с этой рациональной плюральностью остается только усилие для того, чтобы быть справедливым в отношении к ней и к ее контрманевренности, а это означает: сделать справедливость новой максимой.

Это первое объяснение нуждается еще в дополнительных пояснениях. Очевидно, что признание форм рациональности образует исходный пункт. Однако, сюда относится точка зрения истины. Справедливость становится новой идеей разума как раз благодаря последствиям, которые возникают в аспекте истины из ситуации плюральности. Почему так?

а. Признание

Во-первых, при более точном анализе обнаруживается, что парадигмы характеризуются определенной внутренней конфигурацией и в соответствии с этим олицетворяют собственную логику. Во-вторых, они, очевидно, являются способными приносить результат; в любом случае они являются таковыми в некоторых пунктах и в пределах определенных рамок. Правда, может быть так, что одна или другая парадигма не выдерживает перепроверки ее конфигурации и способности приносить результат (будь-то потому, что она ощущает отсутствие логической консистенции, или потому, что она не осуществляет того, что не могут осуществить и другие, в целом более результативные парадигмы), но в общем при таком способе проверки все же остается большинство хорошо проверенных парадигм.

Тогда эти парадигмы следует также называть истинными, а именно в смысле производительности (прагматическое понимание истины) и/или силы раскрытия (раскрывающее или «алетическое» (б) понимание истины). (1) Однако, с другой стороны, эти парадигмы направлены друг против друга. Они делают

альтернативные единичные высказывания и представляют отличающиеся общие тезисы. К тому же между ними невозможна редукция, поскольку нет в распоряжении никаких преимущественных или нейтральных критериев для оценки их разногласий, но, в конце концов, – всегда только лишь критерии самих участников.

Отсюда, во-первых, нет никакого аргументированного средства для исключения проверенных таким образом парадигм из круга легитимных парадигм. Логически, скорее, даже необходимо их признание. К тому же, благодаря обретенным ими познаниям и достигнутым ими пояснениям, они оказываются достойными признания. Неприятие их во внимание привело бы к явным содержательным потерям; мы лишились бы всех специфических разъяснений, которые предлагают соответствующие парадигмы. Поэтому их признание является не только логическим, оно необходимо также и с позиций истины. Когда консистенция и производительность парадигмы уже единожды установлена, то нет более никакого легитимного основания и никакого оправдания, чтобы обойти эту парадигму. Она логически проверена, равно как и содержательно определена, ее признание не только является юридическим, но и прагматическим, она необходима как с логической точки зрения, так и с точки зрения истины.

Конечно, подобного рода признание не равнозначно перениманию или дальнейшей передаче по цепочке. Его нельзя с ними перепутать. Названные последние акты находятся на другом уровне, нежели акт признания, а именно - не на уровне разума, который проверяет способность быть признанным, а на уровне рациональностей, для которых перенимание и дальнейшая передача по цепочке имеют решающее значение. Первое, признание, относится к рефлексивному, а второе, перенимание, к прагматическому уровню. Если разум требует признания, то это не означает, что он якобы советует перенять ту или иную парадигму. Он только лишь призывает рассматривать ее как парадигму.

б. Справедливость

С признанием, к которому привела проверка логической консистенции и способности к истине, сделан первый шаг в направлении

к справедливости. Второй шаг непосредственно связан с первым. Признание постоянно обязывает к сохранению и обеспечению прав признанного. Таким образом, если видна претензия рационального комплекса на право, и в этом отношении необходимо ее признание, то тогда также возникает и обязанность гарантировать ее претензии на право, препятствовать неправомерности и обеспечить справедливость в целом. Как раз в этом и заключается дальнейшая подлинная задача разума. Он должен выступить за права того, что будет признано. Отсюда, разум, где он в условиях плюральности отражает и следует в дальнейшем своим классическим обязательствам истинности, приводится к перспективе справедливости. Выступление разума в условиях плюральности в защиту истины в целом осуществляется в идее справедливости (2). С этих пор разум выступает за рациональную и/или дискурсивную справедливость.

В дальнейшем необходимо изложить то, насколько эта перспектива справедливости образует горизонт всех интервенций разума в сфере рациональности. В отдельных случаях интервенции разума, связанные со справедливостью, простираются от корректировки соответствующих форм рациональности через осуществление разумных интерактивных форм между ними вплоть до тематизации целого рациональности – и даже далее, – до соотношения с «иным» разума. Это следует изложить в виде многих шагов.

Интервенции разума, связанные со справедливостью в сфере рациональности

а. Взгляд назад: корректировки на отдельных формах рациональности

Различные виды интервенции разума, если они касаются формы отдельных парадигм, были уже рассмотрены в VII-й главе. В частности, речь шла о корректировках неудовлетворительного самопонимания и искаженного самосознания парадигм. Цель заключалась в переводе парадигм из их «естественной» формы в их разумную форму, а это означает: задание им формы, которая как соответствует их действительной внутренней конституции, так и является справедливой к их отношению к другим формам рациональ-

ности.

В этом уже была эффективной перспектива справедливости. Правда, такая констатация могла бы казаться противоречащей вышеназванному соединению перспективы справедливости и целостности, поскольку в названных корректировках речь все же шла о единичных формах рациональности, а не о всецелости рациональности. Но следует также обратить внимание на то, что вопрос о целом в настоящее время принял иной характер, и в изменившемся положении – именно в определенном смысле в первую очередь не в отношении целого, а уже в каждой отдельной точке – становится вирулентным. Он не просто выступает позже как вопрос о взаимосвязи, в которой находятся между собою рациональности, и как таковые уже четко определены, а касается собственно внутренней конституции отдельных рациональностей. Поскольку, собственно, последние представляют собою не нечто отдельное, как полагали ранее, а имеют форму комплексов, к которым относится множество переплетений и серия транспарадигмальных выходов, то проблема отношения к другим рациональностям, а также проблема их положения в совокупности рациональностей изначально для них является внутренней. Поэтому проследить далее вопрос о целом сегодня необходимо не только по давнишним причинам, но он в настоящее время обрел как раз исходное значение.

Каждая парадигма уже вынуждена осуществлять истинную рефлексию самой себя, должна смотреть за пределы своих ограничений, стоящих на переднем плане, и иметь в виду другие парадигмы. Это касается сначала тех парадигм, с которыми соответствующая исходная парадигма связана конститутивно. Но подобная динамика неуклонно ведет и далее к принятию во внимание противостоящих парадигм. Некоторые элементы парадигм-партнеров одновременно являются элементами таких парадигм-конкурентов. Если это будет однажды выявлено, то уже нельзя будет затемнять другие парадигмы, а с этих пор необходимо будет – как говорится, уже в интересах достаточного самопонимания – предстать перед многообразием и конкуренцией парадигм. Поэтому вопрос о полной архитектуре и точной позиции отдельных парадигм последовательно ведет к тематизации различных

парадигм и их отношений. Необходимо проанализировать соответствующую парадигму таким способом, который включает существование и принятие во внимание других парадигм. Как раз благодаря этому перспектива справедливости вступает в игру.

Разумные корректировки естественного самозаблуждения парадигм образуют элементарное условие дискурсивной справедливости. Благодаря интервенциям разума парадигмы обретают форму, которая считается со своим сосуществованием с другими парадигмами. Только лишь когда они проявляют сознание специфики, комплексности и альтернативности, они становятся полностью способными к вхождению в круг легитимно конкурирующих трактовок, они выполняют элементарные условия дискурсивной справедливости.

б. Интервенции между несколькими формами рациональности

Теперь обратимся к вопросу, как разум – после корректировки отдельных форм рациональности – проникает туда, где речь идет об отношении между несколькими такими формами. Как разум выводит на передний план перспективу справедливости внутри контрманевренности парадигм?

Заглядывая вперед, – разум критически направлен против исключений, и он протестует против майоризаций и тотализаций. К тому же он положительно выступает за разумные формы обмена и интеракций, а также за эксплицитно-рациональный характер дискуссий между рациональными формами, а не просто за характер в форме силы.

б.1. Критика исключений, майоризаций, тотализаций

Во-первых, разум обращается против открытых или латентных исключений. Он выступает за права угнетенного и настаивает на том, чтобы по отношению к нему осуществлялась справедливость. В промежутках рациональности постоянно «ожидают» иные, еще не раскрытые возможности. Но эти промежуточные зоны слишком быстро предаются забвению и вдобавок к тому – часто подкреплены систематическими требованиями их игнорирования. То, что могло бы быть видимым при некотором усилии, остается все

же систематически затемненным. Разум делает себя адвокатом такого рода исключительно, являющегося угнетенным как рядом, так и между утвержденными парадигмами.

В отношении отдельных парадигм разум выступает за то, чтобы последние осознавали свои как поверхностные, так и конститутивные исключения. Поверхностные исключения имеют место там, где нормальное сознание парадигмы не замечает или не желает признавать элементы, которые де-факто принадлежат к ее архитектуре. Конститутивные исключения – это те, которые являются решающими для конструирования парадигмы. Осознание первых служит более правильному самопониманию, осознание последних – более точному обращению парадигмы в ее взаимосвязи с другими парадигмами.

Во-вторых, критика разума направлена против злоупотреблений и, как их результата, майоризаций.⁽³⁾ Злоупотребления необходимо отличать от выходов. Выходы конститутивно принадлежат любой парадигме, поскольку она содержит внутрипарадигмальные элементы и представляет транспарадигмальные варианты выбора. Последние образуют неизбежные и легитимные составные ее автономии и/или архитектуры. Критические возражения нужны лишь там, где эти выходы принимают форму злоупотреблений. Далее возникают майоризации. Парадигма объясняет, что, якобы, единственно правильным является положение элементов, которое представляет она, и которые [элементы] используются также другими элементами, но там приводятся в иное положение. Оно, якобы, характерно не только для нее самой, но его необходимо сделать обязательным и для других парадигм. Таким образом, определенная типичность выходов объявляется, в ущерб всем другим, единственно действенной. Из выхода возникает злоупотребление, динамика выхода вырастает в майоризацию (4). При этом не осознается и скрывается то, что динамика выхода является общей чертой, имеющей место во всех парадигмах. Вместо этого собственная динамика выхода перечеканивается в эксклюзивный правовой титул. При этом как раз тот факт, что выходы вообще относятся к природе парадигм, мог бы запретить абсолютизацию одного единственного вида выхода. Следовало бы вместе со своими вариантами выбора

открыто предстать перед – в такой же мере легитимными – претензиями других парадигм и их конфликтом. Однако избирается более упрощенная стратегия узурпации и майоризации, а противостоящие выходы или варианты выбора *tout court* (б) обходятся или отрицаются. Против такого способа выдвигает претензию разум, выступающий за межпарадигмальную справедливость.

Но он не ограничивается абстрактными возражениями против майоризаций, но также переходит к конкретному их подавлению. Он выступает против майоризаций, излагая логику и право незамеченных парадигм. При этом часто он должен сначала поставить на обсуждение подчиненные перспективы, помочь, в первую очередь, ее обнаружению и выражению (5). Тогда разум уже является не только адвокатом, но и помощником при рождении неувиденного и угнетенного. В свете своей идеи справедливости он выражает незамеченное. Это своеобразная и тяжелая задача. Неосознанные майоризации постоянно представляют более сложные случаи. Осознанные уже инфицированы предположением их несправедливости. Как противовес необходимо сначала не породить сознание плюральности, а только заставить считаться с ним.

В-третьих, естественно, что разум выступает и против максимальной формы майоризации – тотализации. Тотализации, выходя за пределы майоризации, имеют место там, где логика определенной парадигмы переносится не только на некоторые другие – подобные, граничащие, родственные – парадигмы, но на все парадигмы и должна стать обязательной и для них (в). Все формы рациональности вдруг начинают плясать *unisono* (г) под одну дудку. Вместо разумно предложенного признания практикуется завершенная узурпация. Разумное рассмотрение противопоставляет такому ходу дел невозможность метакритерия, в отдельности оно разоблачает то, какие альтернативы были уничтожены в ходе тотализации. Оно выступает за право альтернатив и за справедливость в целом.

6.2. Разумный обмен и рациональный характер дискуссий между формами рациональности

Само по себе должно подразумеваться, что разумные максимы признания и спра-

ведливости, во-первых, способствуют обмену между формами рациональности, и, во-вторых, гарантируют, что эти интерактивные процессы осуществляются в рационально обоснованной форме. Принципиально возможность коммуникации между формами рациональности подготовлена благодаря характеру их переплетений. Там, где дополнительно будем следовать максимам признания и справедливости, коммуникация будет иметь не искажающую, а проясняющую и ведущую далее функцию. Можно будет выяснить и использовать шансы очерчивания и взаимокорректировки, и при этом не доходя до злоупотреблений, узурпаций, майоризаций или тотализаций. В отдельности формы обмена, как то было уже представлено в главе VII, простираются от процессов уяснения через корректировки и улучшения до порождения новых парадигм.

Там, где перспектива справедливости эффективна, плюральность и конкуренция парадигм не отменяются с помощью стратегий забвения, подчинения или подавления силой, а обсуждаются рациональным способом. Иначе говоря: только перспектива справедливости гарантирует рациональность обсуждений. Напротив, там, где эта перспектива не обретается сознательно, в конце концов, на ее место грозит стать решительность силы. Также там, где даже имеем доброе намерение в обсуждениях, но если не существует четкой ясности высоких претензий междискурсивной справедливости, и за ними не признается наивысший ранг, – постоянно подстерегает опасность возвращения рациональных дискурсов к статусу силовых стратегий. Заостренное сознание справедливости должно будет часто признавать это в качестве реальной формы процессов коммуникации, которые еще кажутся как таковые с доброй волей.

Перспектива справедливости является необходимым условием разумности обсуждений и рациональности аргументаций. «Рациональная справедливость» в этом отношении имеет двойной смысл. Во-первых, она означает справедливость по отношению к формам рациональности. Во-вторых, она гарантирует разумность и/или рациональность обращения с ними и среди них. Чистая рациональность и силовая направленность против разумности и справедливости – это и есть альтернатива. Необходимо будет принимать решение.

в. Справедливость в целом

Перспектива справедливости имеет большое значение не только относительно отдельных форм рациональности и отношения многих из этих форм, но и как раз ввиду целого рациональности. Лишь в выходе за отдельные парадигмы и их множество, в движении к целому, они проявили себя как важные и необходимые. Поскольку плюральность форм рациональности нельзя обойти, то справедливость – вместо единства – должна была стать новой ведущей идеей разума, которая существенно связана с таким многообразием рациональных форм.

В чем же тогда заключаются специфические применения идеи справедливости в отношении измерения целого? Тут также сначала речь идет о справедливости относительно плюральных форм – которые есть и здесь: как различные объединения парадигм, сети парадигм, версии целого (7). Затем необходима перспектива выступления справедливости против псевдоразумных требований, которые желают еще раз перевести плюральность в единообразие. Наконец, речь идет о подготовке генеральной позиции справедливости – выходя уже за пределы сферы рациональности.

в.1. Осуществление специфичного сознания в отношении объединений парадигм, сетей парадигм и всеобщих версий

В то время как до сих пор говорилось о начальных и срединных шагах интервенций разума, нацеленных на справедливость, которые относились к образу и самопониманию парадигм, а также к правильному отношению между несколькими парадигмами, теперь речь пойдет о справедливости относительно форм рациональности в целом. Как сказано, справедливость должна быть также при этом справедливостью в отношении плюральности – теперь: плюральности объединений парадигм, сетей парадигм и различных версий целого. Своей задачей справедливость имеет корректное отношение таких формаций. Забота такого рода о справедливости в целом стала, естественно, сложнее с тех пор, как общая ситуация рациональности начала характеризоваться структурами рациональной неупорядоченности.

Вспомним еще раз об исходном положении дел: объединения парадигм образуются благодаря тому, что отдельные парадигмы проявляют специфические родственные и противоположные черты в отношении парадигм иных сфер. Подобным образом возникшие объединения парадигм, которые способны к соединению друг с другом, проходя поперек к границам сфер, потенциально простираются по всему полю рациональности. Тем не менее, одновременно напротив них находятся другие объединения парадигм, которые представляют иную аксиоматику, несовместимую с первыми. Они образуют отличающуюся картину отношений сфер рациональностей и измерений рациональностей. Исходя из этого, поле рациональности вследствие характера переплетений парадигм наполнено различными сетями парадигм. Они являются результатом того, что каждая парадигма определяется многократными пересечениями, переходами и общими сферами с другими парадигмами. Но и эти сети парадигм между собою являются дивергентными. Они ведут не к одной связанной системе, а к различным сплетениям. Таким образом, как благодаря объединениям парадигм, так и благодаря сетям парадигм возникает множество различных версий совокупности рациональности в целом. Целое состоит из множества версий этого целого. А эти версии нельзя свести уже к одному связанному соединению. Между ними, правда, можно переходить, но их уже нельзя объединить в одну всеобщую систему. С этих пор наши взоры направлены в целом на бесконечный «беспорядок», на неснимаемое плюральное и «неупорядоченное» сутолочное положение.

На что способна перспектива справедливости в этой всеобщей ситуации? Каковы ее задачи, и каковы ее результаты? Сначала необходимо осуществление специфичного сознания. Как то уже было необходимым в отношении отдельных парадигм (как элементарных форм рациональности), так необходимо и в отношении больших форм, в отношении различных объединений парадигм, сетей парадигм и всеобщих версий. Поскольку, если даже их протяженность простирается несравненно дальше, чем протяженность отдельных парадигм, они все же имеют некоторые, общие с ними структурные аспекты. Также

макроформи нуждаются в сознании того, что не они единственные являются представителями такого рода, а имеют рядом с собою и вокруг себя и других, таких же легитимных кандидатов. Их выход может быть универсальным, но их перспектива все же в каждом случае является ограниченной. Им противостоят иные толкования, а веер толкований остается многообразным. Отсюда – необходимость вытребовать у каждой версии осознание ее специфичности и участия, а также признания права других версий. Блокировка злоупотреблений, майоризаций и тотализаций является необходимой. Тем не менее, подобного рода искушения находятся как раз близко к тому, где речь идет о формах, выходящих к целому. Исходя из собственной перспективы, у этих глобальных толкований нет недостатков, не вырисовывается никакая их ограниченность. Тем не менее, то обстоятельство, что некоторые из элементов, используемые ими, изначально произведены не из них, а взяты из других контекстов, где они подчинены иным интерпретациям, – могло бы стимулировать уважение альтернативных комплексов толкования. Но лишь перспектива разума систематически побуждает к этому. Разум, поскольку он постоянно имеет перед собою много таких всеобщих толкований и знает об их несоединимости, выступает в отношении каждого из них за специфическое сознание и запрет тотализации. Он выступает против актуальных нарушений, и принципиально заботится о признании, проверке и уравнивании.

Как раз целое, которое характеризуется рациональной неупорядоченностью, нуждается в справедливости как исключительном представлении о порядке. Только лишь справедливость может сохранить типичность форм и рациональный характер такого целого. В такой работе по справедливости разум выдерживает свое исключительное испытание.

в.2. Пример Дидро

Дидро дает пример, насколько характерно осознание ограниченности каждой перспективы и признания права и иных перспектив действительной разумности. В энциклопедической статье о философе он характеризует последнего как человека разума (8), а это, в первую очередь, означает,

что философ считает «истинным» то, «что есть истинным, а неистинным то, что неистинно, сомнительным то, что сомнительно, а вероятным то, что есть только вероятным» (9). Но философ у Дидро знает не только различные степени достоверности и умеет их различать, он также, кроме этого, имеет основополагающее сознание различности и противоречия: «Философ не настолько связан с системой, чтобы не ощущать полную силу возражений. Большинство людей настолько погружаются подобным образом в свои собственные созерцания, что они даже не делают усилия, чтобы исследовать созерцания других. Но философ понимает мнение, которое он опровергает, так же глубоко и ясно, как и мнение, к которому он присоединяется» (10). Таким образом, философ – как муж разума – менее интересуется систематическим образованием кокона, а более – в равной степени «глубоким и ясным» пониманием различных созерцаний. Это выступление за то, чтобы принять участие в различениях и ограниченности всех парадигм доходит до наивысшего уровня в критике со стороны Дидро духов, одержимых системой: «Они умышленно крепко держат все вещи, которые как-либо могут служить для подтверждения своей системы, и едва ли обращают внимание на все те возражения, которые выдвинуты против этого, или отодвигают их в сторону с помощью какого-либо поверхностного различения». Свои взгляды они прочно удерживают «неподвижно перед своими глазами, но никогда не рассматривают» – это важный пункт Дидро – «с определенного расстояния обратную сторону своих взглядов, которая показала бы им, какими искаженными они являются» (11).

Иными словами: в отличие от системной моно-рациональности Дидро видит силу истинного разума как раз в том, что до сих пор могло бы рассматриваться принимаемым за истинное даже единожды «с определенного расстояния», и еще больше: – чтобы таким образом получить обзор не только в соответствии с блеском его видимой стороны, но и также проблемных аспектов его обратной стороны. При этом постоянно выступают исключения, разрывы, забытое и ошибки. Разум – это способность, которая позволяет нам познать еще и искаженное того или иного взгляда. Он есть способность восприятия

обратной стороны и перешагивания через любую временную идентификацию, даже через ту, которая кому-либо является наилучшей (12). Тот, кто следует разуму, тот действует не как попутчик парадигмы, а прикладывает усилия к тому, чтобы увидеть перед глазами разные парадигмы в их различии; он имеет отношение к ним всем; и он рассматривает не только их положительные стороны, но и отрицательные. Задача разума заключается не в продвижении той или иной парадигмы, а в обозрении различных парадигм и их противоположностей в отдельности и в целом. Эту задачу в равной степени необходимо охватить как ради истины, так и ради справедливости, потому что истину в ситуации плюральности больше нельзя отделить от справедливости. Поэтому уже для Дидро было само собою разумеющимся то, что разум должен направить свой взор на совокупность парадигм вместе с возможностями присоединения и противоположностей, что он должен предстать пред целой ситуацией, которая характеризуется неснимаемой плюральностью и контрманевренностью и, в которой, следовательно, результаты истины могут быть сведены только вместе с результатами справедливости.

в.3. Критика псевдоразумных требований

Разум во имя справедливости должен будет нацелиться и против ошибочных тенденций, которые, в свою очередь, апеллируют к разуму. Он должен выступить против всех тех стратегий, которые в очередной раз намереваются поступать с плюральностью рациональных форм (как бы во имя разума), не признавая их, а искореняя их, не излагая их, а устраняя их, не в смысле справедливости, а с целью затушевания их. Против подобного рода требований необходимо выступить не потому, что они не подходили бы к разуму в раскрытом здесь смысле, а потому что они несправедливы. Они пытаются закрепить или восстановить претензии и стратегии разума, которые опережены современным развитием рациональности. Преследование таких целей может, конечно, по-прежнему удовлетворять традиционные пожелания, но в отношении современных условий и задач они уже не являются справедливыми. Перспектива примирения, обещание нового единства, сигнал к упразднению плюральности в пользу новой то-

тальной интеграции – все это эмоциональные соблазны, которые рассыпаются представителями старых устремлений для того, чтобы набросить пелену на фатальность и пустоту своих формул. Пафос и воодушевление должны обессилить ясность разумной рефлексии.

Против подобного рода псевдоразумных требований необходима просветительская работа разума. Разум – это инстанция критических возражений против соблазнительного мерцания таких фальшивых разумных обещаний. Разум, который осознал беспорядочность и научился ее переносить и обходиться с ней, благодаря четкому анализу и спокойному возражению, снимает чары с высокопарности эмфатической псевдоразумности. Преувеличенные претензии, вместо того, чтобы оставить их восхищению сердца, необходимо подвергнуть проверке умов. Разум остается “трибуналом”, который «защитил бы [разум] в его справедливых требованиях, но, в свою очередь, мог бы устранить все безосновательные притязания» (13) разума (д).

в.4. Справедливость как всеобщая позиция – даже выходящая за пределы рациональности

Выходя за пределы изложенных интервенций, существует, может быть, самый элементарный способ того, как разум может позволить осуществить справедливость, заключается в пробуждении и распространении им сознания и понимания новой ситуации (14).

Сначала он делает это, показывая на конкретных случаях, как поддельны и обманчивы рациональные препоны, поскольку составные рациональности на самом деле определяются переплетениями и имеют комплексный характер. Уже в определенной мере глубоко проникающий анализ отдельной парадигмы ведет за ее пределы к плюральности и противонаправленности многих парадигм. К тому же разумное рассмотрение открывает то, что и другие парадигмы представляют истинные рациональные возможности. Затем, несомненно, нам следует предстать перед плюральностью парадигм и их отношениями дополнения и продолжения или конфликта и противоречия (15).

Разум помогает ориентироваться в этой комплексной ситуации. Он обнаруживает не только факт и неизбежность новой си-

туації, но і надає також компетентність правильного обращения с ней. Обнаруживая то, как парадигмы извлекают выгоду из своих переплетений, он избавляет от страха бросить взор за слишком тесно стянутую изгородь самоограничения, побуждает к выходу к плюральности. То, что казалось угрожающим и нежелательным, обнаруживается как нормальное, которое может быть полезным, и становится стимулом того, чтобы охватить себя внутри действительной комплексности, а тем самым более полно и надежно. Этот выход может высвободить новые силы. Обретается состояние возможности найти свое место в многообразии отношений и охватить взором их целостность.

Если этот выход в многообразии целого однажды осуществлен, то положение справедливости в целом будет облегчено, даже как бы проторено собою. Принятие во внимание альтернатив, признание права и других парадигм станет тогда в возрастающей степени само собою разумеющимся. С этих пор принципиально будут считаться с альтернативами, станут восприимчивыми к контрманевренности, будут учитывать многообразие. Эта деятельность сегодняшнего разума в отношении осведомления нас с комплексностью рациональных отношений является наилучшим встречным ходом против наваливающихся или прокрадывающихся несправедливостей. Там, где проникает эта перспектива, нарушения уменьшаются как бы сами по себе. Выступления против несправедливости остаются, правда, необходимыми, но они все реже будут необходимыми. Дискурсивная справедливость станет, скорее, чем-то само собою разумеющимся. Принципиальная перестройка является одним из самых сокровенных результатов разума.

Она также пойдет на пользу и в отношении оборотной стороны рациональности. С этих пор будут более легко готовы к повороту к «иному разуму», а также допустить его признание. Правильно понимая: это «иное разума» и без того является лишь иным рациональности, поскольку разум, говоря точнее, является как раз способностью неограниченного выхода. Как было изложено в обзоре ко Второй части, он имеет испытание своей шири и силы как раз в том, что способен представить себя перед оборотной стороной рациональности и

быть с ней в союзе. «Экстремальным» разум является не только в том, что он прорывается в целое, но и в том, что он в целом выступает за справедливость. Лишь так он способен быть справедливым в своей собственной шири.

Примечания автора:

1) Лишь в смысле соответствия с действительностью их следует называть неистинными. Но это корреспондентско-теоретическое понимание истины стало вообще недопустимым на рефлексивном уровне модерна. О действительности вообще нельзя говорить иначе, как о действительности-приописании. Таким образом, в предполагаемой корреспонденции речь никогда не идет о соответствии с «действительностью», а в любом случае о соответствии с действительностью, интерпретированной так или иначе.

2) Это отдаленно напоминает о сути концепций, которые можно уловить в античности, в особенности у Платона и Аристотеля, в соответствии с которыми справедливость есть наивысшая добродетель. Только в ней получают свое полное развертывание и другие добродетели.

3) Ср. в этом отношении рассуждения в главе II (раздел E) Первой части.

4) Уже Паскаль в связи со своим учением о порядках убедительно представил и подверг критике механизм такой майоризации. Согласно ему, претензии одного порядка не могут переноситься на другие порядки. Скорее необходимо строго принимать во внимание требование посферной спецификации всех критериев и претензий. Это правило Паскаля является основным правилом в мире плюральности. Нормы отдельных парадигм действуют только внутри, а не в переходах (Ср. более подробно в главе XI).

5) Показательными в этом отношении могут считаться анализы, изложенные Лиотаром в Противоречии (Ср. главу X Первой части).

6) Примеры этого обсуждались особенно во II-й главе (раздел B) Первой части.

7) Ср. в этом отношении подробные рассуждения в главах III и IV Первой части.

8) «[...] разум определяет философа» (Denis Diderot, Artikel «Philosoph», in: ders., Enzyklopaedie. Philosophische und politische Texte aus der «Encyclopedie» sowie Prospekt und

Ankuendung der letzten Baende, mit einem Vorwort von R.-R- Wuthenow, Muenchen 1969, 343–348, hier 343).

9) там же, 344.

10) там же, 345.

11) там же, 362.

12) Ницшеанская максима добросовестности, очевидно, похожа на совет Дидро: «Никогда ничего не сдерживай и не замалчивай, что может мыслиться против твоих мыслей! Поклянись себе в этом! Это относится к первой добросовестности мышления. Ты должен каждый день вести свою битву и против самого себя» (Friedrich Nietzsche, Morgenroerhe. Gedanken ueber die moralischen Vorurteile, in: ders., Saemtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Baenden, hrsg. v. Giorgio Colli u. Mazzino Montinari, Muenchen 1980, Bd. 3, 9–331, hier 244 [Nr.370]). Ницше вообще с большим чувством относился к задачам справедливости. О Фукидиде, к которому он чувствовал себя ближе всего, он сказал: «Он рад типам, находит, что каждому типу принадлежит количество хорошего разума, и пытается это открыть: это его практическая справедливость» (Friedrich Nietzsche, Nachgelassene Fragmente. Anfang 1880 bis Herbst 1882, in: ders., Saemtliche Werke, a.a.O., Bd. 9, 296). В отношении самого себя он сформулировал: «Моя задача: так сублимировать все влечения, чтобы восприятие для чужого уходило очень далеко, и все же было связано с наслаждением: влечение добросовестности против меня, справедливости против вещей так сильно, чтобы его радость перевешивала ценность других видов удовольствия, и приносилась

при необходимости ему в жертву, полностью или частично» (ebd., 211). – Это также означает: Справедливость есть не только долг, но следование ей может быть связано с собственной радостью.

13) Immanuel Kant, Kritik der reinen Vernunft, A Xlf.

14) Очевидно, что представленное понимание разума и справедливости обладает свойствами, сродными современной демократии. Оно в целом происходит из тех же рефлексивных процессов, которые и привели к их осуществлению. Это указывает на историческое место и возможную относительность такого понимания разума.

15) Уже Теодор Адорно говорил о том, что главным является поступать «справедливо в отношении гетерогенного» (Theodor W. Adorno, Aesthetische Theorie, in: ders., Gesammelte Schriften, Bd. 7, Frankfurt a.M. 1970, 285).

Примечания переводчика:

а) Статья представляет собою восьмую главу Второй части работы Вольфганга Вельша «Разум. Современная критика разума и концепция трансверсального разума» (Wolfgang Welsch, Vernunft. Die zeitgenoessische Vernunftkritik und das Konzept der transversalen Vernunft, Frankfurt am Main, 1996).

б) от греческого «alethes» - истинный, правдивый.

в) (франц.) «просто-напросто».

г) (итал.) «в унисон».

д) Ср.: Кант И. Критика чистого разума. Пер. с нем. Н.О. Лосского. – Спб.: Тайм-Аут, 1993. – С. 12–13.

